

От этой фразы Шэнь Чуня время откатилось назад — в ту, казалось бы, обычную ночь, которую Сюй Цзэ не мог забыть всю жизнь.

Чтобы вдохновить учеников, в школе разливали много «куриного бульона»: цитаты великих людей на стенах, воодушевляющие слова на растянутых плакатах, речи учителей — всё это было крайне действенным в ещё наивных старших классах школы.

Сюй Цзэ запомнил глубже всего: «Всё может тебя обмануть, только усилия — никогда».

Поставленная цель уже была там: чтобы изменить судьбу, нужно было через вступительные экзамены поступить в идеальный университет.

Только поступив туда, можно было избавиться от нынешней судьбы, больше не быть осмеянным, изолированным, — можно было изменить свою жизнь.

У него не было другого пути, кроме усилий.

И вот в такую же, казалось бы, обычную ночь, после вечерних занятий, ученики хлынули наружу, преподаватели тоже торопили выключить свет, а Сюй Цзэ, держа книги, нашёл своё прежнее место.

Рядом с общежитием висел яркий большой фонарь, освещавший ученикам путь назад и дававший ему тихое место для учёбы.

Прохожие, может, тихо переговаривались, но быстро уходили; ничего из того, что он воображал — что займут его место, разорвут его книги — никогда не случалось, но и никто не приближался к нему, оставляя его один на один с этим миром.

Это одиночество можно было забыть, когда читал. Сюй Цзэ читал долго, и когда многие ученики уже зашли в общежития, а по кампусу повсюду торопили закрывать двери и гасить свет, он тоже собрался убирать вещи и идти внутрь, как вдруг услышал вопрос из-под тени деревьев.

Осенний вечерний ветер был прохладен, колыхал вечнозелёные сосны, принося слегка терпкий и свежий запах. Голос доносился из-под сосны; в тени было черным-черно, не разглядеть человека, только по голосу можно было понять, что это парень — низкий, чистый и приятный, будто сосна перед ним вдруг превратилась в духа.

— Ты так усердно стараешься, в какой университет хочешь поступить?

— спросил голос.

Кроме учителей, Сюй Цзэ уже давно не слышал от ровесников такого спокойного тона. В нём не было ни любопытства, ни презрения — лишь равноправное общение, что заставило и Сюй Цзэ захотеть ответить:

— В Аду.

Ключевая старшая школа города С считалась в регионе лучшей, и каждый год отсюда поступало много ребят в престижные вузы, но вот выпускников, поступающих в Аду, за много лет почти не было. Для многих его стремление казалось пустыми мечтами, но Сюй Цзэ действительно хотел попробовать.

— Из школы С поступить в Аду очень трудно. Почему ты не пошёл в ту ключевую старшую школу в районе?

— тихо спросил голос.

— С твоими оценками ты туда должен был пройти.

— ...В школе С отменили плату за обучение и давали дотации на питание, — немного поколебавшись, Сюй Цзэ сказал это.

По результатам выпускных экзаменов из средней школы он мог поступить в лучшую старшую школу в районе. У той школы были более сильные преподавательские кадры, и каждый год из неё в Аду поступало немало. Вот только плата за учёбу и за жизнь была проблемой; дома его больше хотели, чтобы он бросил учёбу и шёл работать. А школа С сама прислала ему приглашение, освободив от платы за обучение и предложив стипендию для малоимущих.

Сюй Цзэ всегда было стыдно говорить об этом, но, произнося эти слова, он подсознательно чувствовал, что человек под деревом не станет над ним смеяться.

И правда, тот, казалось, лишь на мгновение задумался, а потом тихо спросил:

— Обязательно ли это должна быть Ада? Другие престижные вузы для тебя не были бы слишком сложны.

Сюй Цзэ тогда не понимал, почему этот человек так ему доверяет и уверен в нём, но та уверенность в тот момент стала настоящим уколом адреналина, и он высказал свою мечту:

— Наверное, хочу выбраться из жизненной трясины, хочу другой жизни. Я всегда старался поступить именно в Аду.

Раз уж старался, то хотел самого лучшего.

Человек под деревом молчал очень долго, так долго, что Сюй Цзэ уже подумал, что тот ушёл, а потом рассмеялся:

— Тогда упорно стремись к цели.

От начала до конца Сюй Цзэ так и не увидел лица того человека. Когда он покинул место, то даже тайком подошёл к сосне и заглянул под неё — увидел только кучу сосновых иголок. Вопрос, прозвучавший под деревом, был словно сон.

Но тот же самый голос снова прозвучал за тысячи ли от родного края, в этом чужом и одновременно знакомом городе, в этой замётённой снегом местности, спросив его, что он, чёрт возьми, делает.

— Это ты?!

— Сюй Цзэ впился взглядом в Шэнь Чуня, в голосе с трудом сдерживалось волнение.

— Тогда в школе был ты? Как ты там оказался?

— Поехал путешествовать в город С, просто забрёл в школьный двор погулять, — небрежно ответил Шэнь Чунь.

Сердце Сюй Цзэ упало. Он с трудом поднялся на ноги, отряхнул с себя пыль, посмотрел на Шэнь Чуня и вдруг не знал, что сказать.

В тот раз, не видя человека, а только слыша голос, можно было посеять семя в чьём-то сердце. Сюй Цзэ даже думал, не был ли это кто-то из школы, и подсознательно прислушивался ко всем голосам, но нет — не было, всё не было... Будто сон остаётся сном и не может стать явью.

В конце концов он сам сдался. Поступив в Аду и познакомившись с более талантливыми людьми, он увидел, что старания не были напрасны. Радость от достижения цели сделала прошлое более тусклым, и тот голос со временем стёрся и стал размытым.

Но когда он получил подтверждение, то понял, откуда бралось то смутное чувство узнавания, когда он слышал, как говорил Шэнь Чунь. Это была мечта, за которой он не мог угнаться, но для этого человека это было лишь каким-то пустяком, который не стоил того, чтобы его запоминать... Или, может, всё-таки стоил?

— Ты всегда помнил меня?

— с некоторой надеждой спросил Сюй Цзэ.

— Я редко видел кого-то настолько упорного и старательного, — сказал Шэнь Чунь.

— Так что впечатление было сильным.

— Да... правда?

— Сюй Цзэ выдавил из себя улыбку.

— Раз ты так старался, чтобы поступить сюда, не надо губить своё тело и сводить на нет свои прежние усилия, — посмотрел на него Шэнь Чунь.

Изменить его жизненные планы — вполне могло оставить шрам на всю жизнь. Поэтому Шэнь Чунь отказался от того плана. Сможет ли Сюй Цзэ действительно попасть в Аду — зависело от его собственной судьбы.

Судьбоносной встречи не избежать, но красную нить судьбы можно обрезать и другим способом.

Но если тронуть сердце и чувства — неизбежна душевная боль.

— Прости, — Сюй Цзэ, держа зонт, изо всех сил пытался подавить кислоту в груди.

В душе он усмехнулся себе: влюбился сразу в двоих — в Се Боюаня с первого взгляда, а в Шэнь Чуня — постепенно, плюс то зерно, что было посеяно раньше; стоило его активировать, и оно выросло в могучее дерево.

Он вдруг вспомнил свои прежние слёзы и теперь не знал — завидовал ли он тогда Шэнь Чуню или Се Боюаню.

— Возвращайся. Человек всегда смотрит вперёд, от некоторых вещей нужно уметь отказываться, — сказал Шэнь Чунь.

Ему тоже не хотелось в такую холодину вливать в других «куриный бульон», но по прежней одержимости Сюй Цзэ и по его манере поведения в изначальной временной линии было видно, что этот человек иногда бывает слишком упёртым и цепким.

Если направлять это на правильное дело — конечно, хорошо. Но в любовных делах он иногда теряет чувство меры.

В изначальной временной линии точка, когда Се Боюань согласился, пришлась на украшение, которое Сюй Цзэ подарил ему на втором курсе. Это была медная гравировка с изображением Се Боюаня, которую Сюй Цзэ долго учился делать. После более чем года ухаживаний Се Боюань всё равно решил отказаться и притворился, что бросил эту вещь в озеро, сказав: если Сюй Цзэ сможет её достать, тогда он согласится быть вместе.

Се Боюань думал, что тот отступится перед трудностями, но не ожидал, что Сюй Цзэ будет искать её, просидев в озере целую ночь. Вода в озере была неглубокой, всего метр, но ночной ветер был очень холодным. Когда Сюй Цзэ вышел, он попал в больницу с высокой температурой. Такая настойчивость заставила Се Боюаня сдержать данное обещание.

Но, к сожалению, всё оказалось не так уж гармонично. Их притирка закончилась неудачей, что привело к непоправимой трагедии.

Раскаianie участников событий, возможно, и порождает задания, так что им было суждено не быть вместе.

— Я понял, — Сюй Цзэ глубоко вздохнул и улыбнулся.

— Надеюсь, вы будете счастливы.

Он желал этого искренне, хотя на душе было так больно, что вот-вот перехватит дыхание.

— Спасибо, — улыбнулся Шэнь Чунь.

Сюй Цзэ в последний раз взглянул на улыбку Шэнь Чуня, раскрыл зонт и медленно ушёл. Глядя на его фигуру, исчезающую в снежной буре, Шэнь Чунь понял — красная нить... уже оборвана.

Теперь у Се Боюаня и Сюй Цзэ больше не было никакой связи.

...

— Как думаешь, президенту это понравится?

— спросил Шэнь Чунь, стоя в одиночестве в магазине и выбирая покупки.

□Должен бы...□ — 521 смотрела на кучу вещей, которые хозяин запихивал в карман пальто, крайне неуверенно и почему-то вспомнила фразу, которую иногда видела в этом мире.

«Старый девственник отведал плотских утех — лют, как тигр».

Возрасту хозяина не то что несколько тысяч лет — намного больше. Президент... чувствуется опасность.

Но сказать боялась.

Шэнь Чунь выбирал только базовые вещи, которые могли пригодиться. Но для такой не издававшей жизни малютки, как система, это было крайне волнительно.

Шэнь Чунь не хотел так быстро развращать маленького новичка, но товары для взрослых не входили в зону цензуры Исходного мира, вернее, то, что выбрал Шэнь Чунь, не входило в её зону.

«А это как использовать?!» — 521 увидела одну вещь и не удержалась, удивлённо спросила.

«Точно хочешь узнать?» — улыбнувшись, спросил Шэнь Чунь.

521 тут же прервала разговор: «Нет, не хочу.»

Вы ведь тоже этим не пользовались, откуда такая опытность? Способности людей к обучению, похоже, действительно страшны.

Вещи в кармане пальто совершенно не выделялись. Когда Шэнь Чунь, раскрыв зонт, выходил, ему позвонил Се Боюань:

— Алло, президент, заждался?

— Ты вышел довольно надолго, — Се Боюань смотрел на снегопад за окном.

— В снегопад дороги скользкие. Если не купил, то и ладно.

Когда покупали приправу для хого, на упаковке было написано «острейшая», но когда она растворилась, остроты почти не было. Се Боюань думал, что это не страшно, но Шэнь Чунь оделся и вышел купить. Такой поступок согрел сердце Се Боюаня.

— Хорошо, скоро вернусь, — тихо рассмеялся Шэнь Чунь.

Когда Шэнь Чунь вошёл в дом, от него ещё веяло холодом. Се Боюань протянул руку и погладил его по щеке:

— На улице так холодно, зачем надо было выбегать? Скажи, чего ты добиваешься?

Шэнь Чунь ничего не ответил, только снял пальто. Се Боюань помог взять его и уже хотел повесить, когда из кармана выпала маленькая коробочка.

Се Боюань подсознательно нагнулся поднять её, но, увидев картинку на коробке, замер. Пока он колебался, коробку уже поднял Шэнь Чунь и очень естественно сунул обратно в карман:

— Президент, давайте сначала поедим.

Почему с начала поесть, и зачем это «сначала»?

Это же такие вещи! Как этот человек может обращаться с ними так, будто нашёл пенал?

Когда Се Боюань ходил по торговому центру, он, конечно, тоже видел эти товары, но сканировать их перед кассиром при куче народу было слишком стыдно. В душе он, может, и сожалел, что не купил, но не ожидал, что Шэнь Чунь сам пойдёт и купит!

Раз всё готово, то, что произойдёт сегодня ночью, совершенно ясно.

— Президент, вернитесь в реальность, — Шэнь Чунь согнул палец и щёлкнул Се Боюаня по лбу, а когда тот опомнился, обнял его и сказал: — На президенте так тепло, а на улице я замёрз до смерти.

— Замёрз — а всё равно вылез. Поделом, — Се Боюань обнял его в ответ за спину.

— Президент, если ты не захочешь, я ничего тебе не сделаю. Эти вещи — просто подготовка. Давай будем действовать по обстоятельствам, хорошо?

— прошептал Шэнь Чунь ему прямо в ухо.

Он не выглядел таким уж нетерпеливым. Близость между влюблёнными должна происходить естественно, как вода доходит до нужного русла. То, что делается через силу, не имеет никакого смысла. Для Шэнь Чуня это тоже не было обязательным, максимум — приправа в отношениях, которая абсолютно контролируема.

Но как мужчина, глубоко любящий партнёра, как он мог не проявить немного нетерпения? Быть равнодушным к партнёру, не проявлять интереса — только заставит того волноваться. Но быть слишком нетерпеливым — тоже снизит впечатление. Нужно было найти идеальный баланс.

— Хорошо, — улыбнулся Се Боюань, чувствуя в душе невероятную мягкость.

За окнами валил густой снег, а в комнате стоял хого. В печку засыпали древесный уголь, языки пламени пожирали его, горячий бульон клубился паром, который улетал в щель приоткрытого окна, растапливая случайно залетевшие снежинки.

Шэнь Чунь принёс острейшую приправу, но Се Боюань убрал её в холодильник:

— То, что купили, надо съесть. Поскольку я не люблю острое, я буду есть свою понемногу, сам.

Горячий бульон кипел, рулетики из говядины и баранины хватало окунуть на несколько десятков секунд, и они готовы. Снежный пейзаж и медный котелок — отлично сочетались.

Вот только есть это было приятно, а после еды хлопотно. Во-первых, нужно было дожидаться, пока угли полностью погаснут, а потом залить их водой, чтобы внутри не осталось ни искры. Во-вторых — куча тарелок.

Когда всё убрали, в гостиной открыли окна проветривать, а Шэнь Чунь взял одежду и пошёл в ванную.

Хого — вещь вкусная, но запах от него остаётся на теле и одежде не очень приятный, особенно если смешивается с ароматом моющего средства — приобретает совершенно особый «аромат». Не то что Се Боюань, сам Шэнь Чунь не выносил этого.

Они помылись один за другим, открыли окна, чтобы выветрить запах из гостиной, и в спальне осталось только тепло.

— В следующий раз уж лучше есть хого не дома, — сказал Шэнь Чунь.

— Хлопотно?

— спросил Се Боюань, вытирая волосы после душа.

— Да нет. Ты же не любишь, когда в жилище стоит запах еды?

— Шэнь Чунь стучал по клавиатуре ноутбука.

Рука Се Боюаня замерла. Раньше он думал, что у Шэнь Чуня такие же привычки, но не ожидал, что тот подстраивается под него.

— Если это ты — то ничего.

Он действительно не выносил, когда в жилом помещении пахнет едой, особенно такой, как

хого, запах от которой держится долго. Но когда Шэнь Чунь предложил приготовить хого дома, первое, что пришло ему в голову, было слово «атмосферно».

Это тепло и уют в комнате вполне могли изменить привычки. Главное — хорошо убратся после, и тогда не возникнет ни малейшего отторжения.

— У президента на меня иммунитет к его брезгливости?

— Шэнь Чунь покосился и улыбнулся.

— Ага, иммунитет, — Се Боюань вытер волосы почти насухо, сел на кровать рядом с компьютерным столом.

— Что смотришь?

— Проверяю результаты. Самые первые уже вышли, — Шэнь Чунь щёлкнул мышкой и, нахмурившись, цокнул языком.

— Плохо сдал?

— у Се Боюаня сжалось сердце. Он подошёл ближе, посмотрел на экран, увидел строку полных баллов и почти полных баллов, на мгновение опешил, а потом, повернув голову, встретился взглядом с едва сдерживающим смех Шэнь Чунем.

— Ты специально.

Это был констатирующий тон.

Шэнь Чунь, глядя на его слегка рассерженное лицо, рассмеялся, подошёл и поцеловал его:

— Президент, любовь лишает объективности. Не сердись, я искупаю свою вину.

<http://bllate.org/book/15476/2152054>